

Научная статья
УДК 069.01
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-2-34-42

МАСКУЛИННОСТЬ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ГЕНДЕРА

Евгений Васильевич Касаткин

*Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия
j2580@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2705-6883, AuthorID РИНЦ: 833052, SPIN-код: 5325-0930*

Аннотация. *Целью исследования* является обоснование и выделение сущностного понимания маскулинности в современных гендерных исследованиях.

Методологическую базу исследования представляют классические труды Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, М. Мид, связанные с исследованием гендерных отношений в обществе. Исследование также базируется на социально-конструктивистском подходе П. Бергера и Т. Лукмана, социологии Э. Гидденса, в контексте которой он анализирует современные гендерные теории и теории гендерного порядка Р. Коннел. Конструктивно использованы работы российских исследователей гендера Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной и И. Кона.

Результаты исследования. Современные исследования гендера в общем и маскулинности в частности претерпевают концептуальные трансформации, что отражается на включение в гендерные исследования не только макроуровня, но и микроуровня гендерных отношений и диспозиций, не только уровень структур, но и уровень практик. Следовательно, гендерные исследования носят мультиплицированный характер, включающий рассмотрение маскулинности как подвижного феномена, иерархические типы которого подвергаются существенным изменениям в рамках презентации маскулинности, ее нормативности в социальных институтах, ранее выступавших регуляторами маскулинных ролей и маскулинного поведения, а также в контексте формирования субъективной маскулинной идентичности.

Перспективу исследования составляет дальнейший анализ трансформации маскулинности с акцентом на российскую действительность.

Ключевые слова: гендер, маскулинность, феминность, гендерные отношения, гендерный порядок, маскулинная иерархия, общество

Для цитирования: Касаткин Е.В. Маскулинность в фокусе современной социологии гендера // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, №2. С. 34–42. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-34-42>.

Original article

MASCULINITY IN FOCUS OF MODERN SOCIOLOGY OF GENDER

Evgeny V. Kasatkin

*Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia
j2580@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2705-6883, AuthorID RSCI: 833052, SPIN: 5325-0930*

Abstract. *The purpose of the study is to substantiate the essence and allotment of essential understanding of masculinity in modern investigations of gender.*

The methodological base of the study is presented by the classical works of E. Durkheim, T. Parsons, M. Mead, connected with gender investigations in the society. The study is also based on socio-constructive approach of P. Berger and T. Luckman, the structuration theory of A. Giddens, in the context of which he analyses modern gender theories and the theory of gender order, developed by R. W. Connel. Constructively are used the works of modern Russian investigators of gender A. A. Zdravomyslova, E. A. Tyomkina and I. Kon.

The results of the study. Modern studies of gender in general and masculinity in particular are undergoing conceptual transformations, that has reflection on the inclusion in gender investigations not only at macro level, but also at the micro level of gender relations and dispositions. Hence, gender studies refer to multiplicative character, including the consideration of masculinity as a moving phenomenon hierarchical types of which are undergoing essential changes within the framework of masculinity presentation, its normativity in the social institutions, which used to be the regulators of masculinity roles and masculinity behavior, and also from the view of subjective masculinity identity formation.

The prospect of the study is a further analysis of the masculinity transformation with the emphasis on Russian reality.

Keywords: *gender, masculinity, femininity, gender relations, gender order, masculine hierarchy, society*

For citation: *Kasatkin E. V. Masculinity in focus of modern sociology of gender // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(2): 34–42. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-2-34-42>.*

Введение. Конец прошлого века и начало XXI века характеризуются небывалым всплеском гендерных исследований в социологии. Во многом данный тренд связан с тем, что дает возможность в новом ключе анализировать инновационные гендерные взаимоотношения, устанавливающиеся в обществе постмодерна, понять их зависимость от новой социальной реальности, а также увидеть нюансы гендерных отличий, что в перспективе дает возможность «деконструировать, казалось бы, незыблемые категории» [1, с. 178].

Следует отметить, что понятие «гендер», заимствованное из английского языка (gender), достаточно долго адаптировалось в русскоязычный дискурс. Например, в Словаре иностранных слов, изданном в России в 1982 г., отсутствует данное понятие. Изданный годом позже Оксфордский словарь современного английского языка указывает лишь на грамматическую характеристику данного слова как «грамматическую группировку слов по классам (существительные и местоимения), относящихся к маскулинности, феминности или нейтральному виду» [2, с. 267]. В большом

англо-русском словаре под общим руководством Гальперина понятие «гендер» несколько расширяется, так как помимо грамматического рода указывается, что это — в устной речи «сорт», «вид»; шутовое обозначение «пола», поэтическое значение — «порождать» [3, с. 668]. Однако постепенно, особенно с учетом расширяющихся гендерно ориентированных исследований, понятие «гендер» начинает трактоваться как «перформанс», что позволяет соотносить индивидов с определенной социальной группой (классом, сообществом), выступающим своеобразным «механизмом», конструирующим представления о маскулинности (феминности).

В дальнейшем в связи с ростом исследований гендера в рамках социологии гендер стал пониматься, прежде всего, как социальные взаимоотношения без фиксации на биологических характеристиках индивидов. Так, в толковом словаре по социологии подчеркивается, что гендер относится «к социальным и социально-психологическим атрибутам, ... в социологическом дискурсе гендер должен применяться тогда, когда касается социаль-

но созданного деления общества на тех, кто относится к женщинам, и тех, кто относится к мужчинам. ... «Мужское» и «женское» относится к сформированным культурой чертам поведения и видам темперамента, считающимися социально соответствующим полам. Эти черты изучаются посредством сложного и продолжительного процесса социализации» [4, с. 110]. Анализ современных определений гендера позволяет заключить, что его определение основывается, прежде всего, на отказе от биологического детерминизма, рассматривая данное понятие в рамках нормативности представлений в отношении маскулинности и феминности [5].

Большинство современных социальных теорий признают гендерные конструкты в качестве базовых категорий, которые детерминируют социальную повседневность, задавая ориентиры моделям маскулинного или феминного поведения, используемого в конкретном коммуникативном окружении, где представления о гендерной идентичности индивида строятся на основе гендерной асимметрии. Проблемы гендерной асимметрии впервые были затронуты в начале 30-х гг. XXI века в работах социального антрополога М. Мид, описавшей различные типы маскулинности и феминности на примере традиционных культур (племена Новой Гвинеи). Основываясь на включенном наблюдении, она описала влияние, которое оказывает культура различных племен на формирование представлений о маскулинных и феминных ролях и соответствующим им моделям поведения, выражающимся в выполнении функциональных обязанностей, чем опровергла биологическое представление об их предзаданности. В наблюдаемых М. Мид племенах маскулинные и феминные роли зачастую совершенно не соответствовали укорененным представлениям, ранее считавшимся «естественными для каждого пола» [6, с. 108].

Эссенциалистские тренды в исследовании маскулинности. Следует заметить, что большинство социальных теорий, включая марксизм, в определенной степени при анализе маскулинности и феминности использовали эссенциалистские принципы. Так, например, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Вместе с этим (ростом потребностей)

развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом — разделением труда, совершавшимся само собой или “естественно возникшим” благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям» [7, с. 30].

Эссенциалистская трактовка присутствует и в работах теоретиков структурного функционализма Э. Дюркгейма и Р. Липтона. В своей работе «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм настаивает на том, что социальная дифференциация общества возникает в результате естественного разделения социальных функций (разделения труда) по признаку пола [8, с. 58]. Но самым значительным подходом в контексте структурного функционализма является выдвинутый Т. Парсонсом поло-ролевой подход, где он на примере семей, принадлежащих в индустриальном обществе к среднему классу, показывает типичные маскулинные и феминные роли, исполняемые индивидами в рамках их домохозяйств, при этом феминные модели поведения внутри семейной системы Парсонс связывает с экспрессивностью, а маскулинные модели поведения — с инструментальными функциями в существовании семьи. Ролевые модели поведения интериоризируются индивидами в ходе социализации и задают нормативность ожидаемого поведения [9].

Поло-ролевой подход оказал сильное влияние на анализ маскулинности, где контент ролевых моделей долгое время трактовался как функционально обусловленный. Однако поло-ролевой подход вызвал и серьезную критику, в которой современные социологи, прежде всего, обратили внимание на ее нормативность, а на самом деле, по мнению Р. Коннелл, паттерны внутрисемейных моделей поведения в домохозяйствах во многом не соответствуют стереотипным представлениям, основанным на типичной форме «биологической дихотомии» [10, с. 263].

Социально-конструктивистский подход к исследованию маскулинности. Одним из самых влиятельных подходов к исследованию маскулинности следует отнести конструктивистский подход, где внимание переносится на микроуровень повседневных интеракций и идентификация с мужским и женским полом

определяется социокультурными факторами, а маскулинности (феминности) находятся под воздействием социально нормативных властных взаимоотношений и отсутствием гендерного равенства в повседневной жизнедеятельности. Социально-конструктивистская интерпретация гендерных отношений основывается на социально-конструктивистской теории П. Бергера и Т. Лукмана. Согласно данной теории окружающая индивидов социальная действительность может быть как объективной, так и субъективной, поскольку, с одной стороны, она существует независимо от человека, но в то же время в процессе повседневной деятельности не свободна от субъективных действий людей [11]. Как подчеркивает М. Киммел, «гендерная идентичность социально конструируется, ... наши идентичности — это текущие сочетания значений и типов поведения, каковые мы конструируем, исходя из ценностей, образов и предписаний, которые находим в окружающем мире» [12, с. 146]. При этом наши гендерные идентичности являются предметом свободного выбора с одной стороны, но с другой являются вынужденными в силу существующих в обществе нормативных требований, которые с детства внушаются индивидам. Говоря о дифференциации между маскулинностью и феминностью в контексте социального конструктивизма, Киммел выделяет следующие компоненты:

— понятия о маскулинности и феминности находятся под влиянием конкретной культуры;

— представления о маскулинности и феминности не представляют статического конструкта, видоизменяясь в каждой культуре в ходе социально-исторического развития;

— отношение и восприятие гендера в индивидуальной диспозиции также может видоизменяться в ходе жизненного цикла;

— дефиниции маскулинности и феминности трансформируются в контексте культурных представлений, расовой, этнической принадлежности, отнесенности к определенной демографической когорте, сексуальных предпочтений и т. д. [12].

Именно поэтому, согласно Киммелу, стоит говорить о маскулинностях и феминностях во множественном числе.

Социальный конструктивизм выступает теоретическим базисом в рассмотрении со-

здания и поддержания гендерных иерархий в современных гендерно-ориентированных исследованиях. По данному поводу российские ученые Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина говорят, что «социально-конструктивистская парадигма задает рамки исследования механизмов формирования и воспроизводства мужественности и женственности, гендерной культуры, “создания гендера” в повседневности, в публичной (экономике, политике, масс-медиа) и приватной сферах, а также способы формирования знания о них. Одновременно этот подход оставляет пространство для концептуализации социальных изменений гендерных отношений, являющихся результатом проблематизации конкретного опыта» [13, с. 19].

Исследования гендера в обществе постмодерна. Анализируя современные гендерные исследования, Э. Гидденс выделяет три основных подхода: теорию гендерной социализации, теорию социальной конструкции гендера и теорию гендерного порядка. Он подчеркивает, что теория гендерной социализации основывается на идеях функционализма, рассматривая мальчиков и девочек в контексте «изучения сексуальных ролей» и мужской-женской идентичности, то есть маскулинности и феминности. В процессе освоения ролей общество сопровождает данный процесс позитивными или негативными санкциями, прилагая усилия для вознаграждения или сдерживания определенного нормативного поведения. Так, например, мальчик может получить позитивную оценку своего поведения («Какой ты храбрый мальчик!»), возможна и негативная оценка («Мальчики не играют с куклами»). В случае если гендерное поведение не совпадает с общепринятыми взглядами, поведение такого индивида рассматривается как девиантное [14].

Однако теория социализации, казалось бы, не замечает того, что индивиды могут отвергать и/или модифицировать ожидаемые от них социальные роли. По этому поводу Коннел утверждает, что агенты социализации не в состоянии «производить механические эффекты» в растущей личности. Они могут приглашать ребенка к участию в социальных практиках в определенно заданных рамках. Это «приглашение» может

и часто сопровождается коэрцитивными действиями, сочетаясь с жестким давлением [15]. Поэтому Гидденс видит ограниченность теории гендерной социализации в том, что она в функционалистском ключе рассматривает индивидов как пассивных объектов, следующих установленному «гендерному программированию». Данное гендерное программирование обеспечивается различными социальными агентами, формирующими нормативность по отношению к маскулинности, а также особенностями той или иной культуры, устанавливающей соответствующие ей запреты (табу) в области гендерных взаимоотношений [14].

Вторая выделенная Гидденсом теория — это теория социального конструирования гендера. Данная теория нашла свое наиболее полное выражение в трудах Коннелл, Скотта и Морагана, Батлера. Суть ее сводится к тому, что понятия о маскулинности в обществе характеризуются физической силой и «жестким» отношением к маскулинности, поощряющей мужчин культивировать специфический имидж своего тела, а также набор маньеризмов, что выражается в том, что гендерные идентичности и различия по сексу неразрывно связаны внутри человеческого тела [15]. Вышеназванные авторы подчеркивают, что в феминистских исследованиях мало внимания уделялось вопросам маскулинности и мужской идентичности, поскольку основной акцент делался на анализе мужского подавления женщин и роли мужчин в поддержании патриархальности. Однако в связи с фундаментальными изменениями, в частности происходящими в обществе, трансформации роли женщины и паттернов семейных отношений стали подниматься вопросы, связанные с маскулинностью, особенно в отношении трансформирующихся маскулинных ролей, подрывающих ранее укорененные стереотипы. Наиболее часто поднимаемые проблемы можно представить следующим образом:

— имиджевые характеристики, приписываемые современным мужчинам, и их собственное отношение к соответствию заданным паттернам маскулинности;

— как стереотипные представления о маскулинном поведении коррелируют с изменениями, происходящими в обществе;

— происходит ли на самом деле кризис маскулинности и в чем он выражается.

Э. Гидденс подчеркивает, что социология стала интересоваться положением и опытом мужчин в контексте более широкого порядка, который окружает их в современной действительности, как мужские идентичности конструируются и каково влияние социально предзаданных ролей на мужское поведение [14]. Для ответов на поставленные вопросы достаточно продуктивной согласно Гидденсу является теория гендерного порядка, выдвинутая Р. Коннелл в известных трудах «Гендер и власть» (1987), «Мужчины и мальчики» (2001) и «Маскулинности» (2005). Данные работы уже считаются классическими в социологическом дискурсе зарубежной социологии, а их влияние объясняется тем, что Коннелл объединяет концепты патриархальности и маскулинность в интегрированном подходе, полагая, что маскулинности являются критической частью гендерного порядка, который не может быть полностью осознан без отнесенности к сохраняющейся патриархальности или в отрыве от феминностей, поскольку гендерные отношения являются продуктом повседневных интеракций и практик обычных людей, которые воспроизводят коллективные социальные договоренности, существующие в обществе. Данные договоренности непрерывно воспроизводятся в течение жизненного цикла индивидов и транслируются последующим поколениям, но могут подвергаться определенным изменениям [15].

Р. Коннелл также вводит понятие маскулинной иерархии, которая состоит из трех основных типов:

— гегемонная маскулинность («идеальный тип маскулинности»), определяемая как набор ценностей, устанавливаемых мужчинами, обладающими властью, которые функционируют для инклюзии (экслюзии) и для установления в обществе неравного гендерного порядка. Она сочетает в себе несколько черт, а именно: иерархию маскулинностей, различный доступ среди мужчин к власти (по сравнению с женщинами и другими мужчинами), а также взаимодействие между мужскими идентичностями, мужскими идеалами, интеракциями, властью и патриархальностью [18];

— маскулинность соучастия, под которой понимаются установки мужчин, не прилагающих конкретных усилий для утверждения своей мужественности вследствие отсутствия соответствующих ресурсов или же в силу отсутствия желания, обусловленного личностными характеристиками и жизненными диспозициями;

— субординированные маскулинности (гомосексуальные маскулинности), рассматриваемые в обществе как противоположные «настоящему мужчине» [15].

Гендерный порядок (в некоторых трактовках — гендерная композиция, гендерный уклад) обеспечивает сосуществование данных типов маскулинностей, однако Коннел подчеркивает, что гендерный порядок и разработанная иерархия маскулинностей не являются перманентной категорией и могут видоизменяться в обществе постмодерна. В последнее время в гендерно-ориентированных исследованиях появляются и другие типы маскулинностей, например, «фронтирная», «классическая колониальная», «глобальная» и «транснациональная» маскулинности [20]. С. А. Ильных выделяет такой тип маскулинности, как «естественная маскулинность», обладающая следующими чертами:

— отличие от «нормативных эталонов мужественности» разнообразием когнитивных представлений о роли маскулинности;

— изменение поведенческих моделей, традиционно ожидаемых от социальной деятельности «настоящего мужчины»;

— замена различных лимитирующих ограничений, связанных с понятием гегемонной маскулинности, то есть признанием в качестве естественного поведения мужчины выражения своего эмоционального состояния [21].

Думается, что выделение новых типов маскулинности связано, прежде всего, с изменениями, происходящими в современном мире, что заставляет говорить о «гендерном кризисе» в целом и о кризисе маскулинности в частности. Данные кризисные тренды приобретают три очевидные формы:

— институциональный кризис, поскольку во многих странах институты, традиционно поддерживающие доминирование мужчин (семья и государство), постепенно утрачивают свое прежнее влияние;

— кризис сексуальности, так как гегемонная гетеросексуальность постепенно утрачивает свою доминантную позицию;

— кризис социальных представлений о гендере и гендерных взаимоотношениях, поскольку появляются основания для формирования социальных интересов, противоречащих традиционному гендерному порядку [18].

Российские социологи определяют кризис маскулинности как «несоответствие практик мужчин нормативным образцам гегемонной маскулинности, в частности — утрата роли основного добытчика и соответствующих привилегий (патриархальных дивидендов)» [19, с. 430]. Известный российский исследователь И. Кон пишет о появлении «нового типа мужчин», которые все больше вовлечены в практики, ранее присущие исключительно женщинам (уход за детьми, активное участие в ведении домохозяйств, позитивное отношение к профессиональной деятельности женщин и их карьерному росту). Однако И. Кон подчеркивает, что несмотря на эти тенденции, взаимоотношение маскулинностей и феминностей остается проблематичным в связи с тем, что декларируемое гендерное равенство в большей мере остается традиционным, разрыв в его достижении находит поддержку в большей степени среди женщин, чем среди мужчин [19]. Р. Коннел в этой связи полагает, что следует говорить не о кризисе маскулинностей, а скорее, о кризисе патриархальности гендерного порядка [18].

Заключение. Проведенный анализ исследования маскулинности в фокусе современной социологии гендера позволяет говорить о том, что исследования маскулинности отказались от эссенциализма и основываются в большей мере на трех научных подходах: социальный конструктивизм, где гендер рассматривается в качестве социального конструкта, зависящего от социального контекста и заставляющего отказаться от предшествующей концепции маскулинных ролей; теории гендерной социализации и теории гендерного порядка. Представляется, что объединительная парадигма, включающая все вышеперечисленные подходы, будет способствовать рассмотрению маскулинности в реалиях современного общества.

Список источников

1. Трофимова Е.И. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях // Общественные науки и современность. 2002. №6. С. 174–181.
2. Хорнби А.С. Словарь современного английского языка: спец. изд. для СССР. М.: Просвещение, 1983. 267 с.
3. Большой англо-русский словарь: в 2-х т. Под общ. рук. И.Р. Гальперина и Э.М. Медниковой. М.: Рус. яз., 1987. Т. 2. 668 с.
4. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь в 2-х т. М.: Вече-Аст, 2001. Т. 1. 110 с.
5. Скотт Д. Гендер: полезная категория исторического анализа // Американское историческое обозрение. Харьков, СПб., 2001. Т.91. С. 1053–1075.
6. Смелзер Н. Социология // Социологические исследования. 1992. №8. С. 101–127.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.: Политиздат, 1988. С. 30.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 58.
9. Пушкарева Н.Л. Материнство в новейших социологических, философских и психологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. №5. С. 47–54.
10. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Здравомысловой Е.А., Тёмкиной А.А. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. С. 127–128.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. С. 127–128.
12. Киммел М. Гендерное общество / Пер. с англ. О.А. Оберемко, И.Н. Тартаковской. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 146.
13. Здравомылова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. №11. С. 17–27.
14. Giddens A. Sociology. 6th edition. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 320.
15. Connel R. W. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Polotics. Cambridge: Polity, 1987. P. 94–118.

16. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: Российская политическая Энциклопедия, 2004. С. 124.
17. Connel R. W. Masculinities. Cambridge: Polity, 2005. P. 18–25.
18. Jewkes R., Morrel. Sexuality and the Limits of Agency among South African Teenage Women: Therorising Femeninities and their Connection to HIV Risk Practicies // Social Sience and Medicine. 2012. №74(11). P. 40.
19. Здравомылова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 430.
20. Тартаковская И.Н. Гендерная социология. М.: ООО «Вариант», при участии ООО «Невский Простор», 2005. С. 149.
21. Ильиных С.А. Концепты маскулинности и феминности в русле гендерного подхода // Идеи и идеалы. 2011. №4(10). С. 136–138.

References

1. Trofimova E. I. Terminologicheskie voprosy v gendernyh issledovaniyah [Terminological questions in gender studies]. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2002; (6): 174–181. (In Russ.).
2. Hornbi A. S. Slovar' sovremennogo anglijskogo jazyka: spec. izd. dlja SSSR [Dictionary of Modern English Language: spec. ed. for USSR]. Moscow: Prosveshhenie, 1983. 267 p. (In Russ.).
3. Bol'shoj anglo-russkij slovar': v 2-h t. Pod obshh. ruk. I. R. Gal'perina i Je. M. Mednikovoj [Big English-Russian Dictionary: in two parts. Under general guidance of E. R. Galperin and Mednikova]. Moscow: Rus. jaz., 1987. Vol. 2. 668 p. (In Russ.).
4. Dzheri D., Dzheri Dzh. Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar' v 2-h t. [Big Explanatory Sociological Dictionary in 2 volumes]. Moscow: Veche-Ast, 2001. Vol. 1. 110 p. (In Russ.).
5. Skott D. Gender: poleznaja kategorija istoricheskogo analiza [Gender: useful category of historical analysis]. *Amerikanskoe istoricheskoe obozrenie*. [American Historical Review]. Har'kov, Saint Petersburg, 2001. Vol. 91. P. 1053–1075. (In Russ.).

6. Smelzer N. Sociologija [Sociology]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies]. 1992; (8): 101–127. (In Russ.).
7. Marks K., Jengel's F. Nemeckaja ideologija [German Ideology]. Institut marksizma-leninizma pri CK KPSS [Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU]. Moscow: Politizdat, 1988. P. 30. (In Russ.).
8. Djurkgejm Je. O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii [On the division of social labour. Method of sociology]. Moscow: Nauka, 1991. P. 58. (In Russ.).
9. Pushkareva N.L. Materinstvo v novejsih sociologicheskikh, filosofskih i psihologicheskikh koncepcijah [Motherhood in the newest sociological, philosophical and psychological concepts]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographical Review]. 1999; (5): 47–54. (In Russ.).
10. Hrestomatija feministских текстов. Perevody [Anthology of feminist's texts]. Pod red. Zdravomyslovoj E.A., Tjomkinoy A.A. [In Zdravomyslova E.A., Tjomkina A.A. (eds.)]. Saint Petersburg: «Dmitrij Bulanin», 2000. P.127–128. (In Russ.).
11. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Mosk. filos. fond, 1995. P. 127–128. (In Russ.).
12. Kimmel M. Gendernoe obshhestvo [Gender Society] Per. s angl. O.A. Oberemko, I.N. Tartakovskoj. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2006. P. 146. (In Russ.).
13. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Sociologija gendernyh otnoshenij i gendernyj podhod v sociologii [Sociology of gender relations and gender approach in sociology]. *Sociologicheskie issledovanija* [Social Studies]. 2000; (11): 17–27. (In Russ.).
14. Giddens A. Sociology. 6th edition. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 320.
15. Connel R. W. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Polotics. Cambridge: Polity, 1987. P. 94–118.
16. Bem S. Linzy gendera: Transformacija vzgljadov na problemu neravenstva polov [Lenses of gender: View transformations on the problem of sex inequalities]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja Jenciklopedija, 2004. P. 124. (In Russ.).
17. Connel R.W. Masculinities. Cambridge: Polity, 2005. P. 18–25.
18. Jewkes R., Morrel. Sexuality and the Limits of Agency among South African Teenage Women: Therorising Femeninities and their Connection to HIV Risk Practicies // Social Sience and Medicine. 2012. №74(11). P. 40.
19. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. 12 lekcij po gendernoj sociologii [12 lectures on gender sociology]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. P. 430. (In Russ.).
20. Tartakovskaja I.N. Gendernaja sociologija [Gender sociology]. Moscow: OOO «Variant», pri uchastii OOO «Nevskij Prostor», 2005. P. 149. (In Russ.).
21. Il'inyh S.A. Koncepty maskulinnosti i feminnosti v rusle gendernogo podhoda [Concepts of masculinity and femininity in the field of gender approach]. *Idei i idealy* [Ideas and ideals]. 2011; 4(10): 136–138. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.
The article was submitted on 26.11.2021; approved after reviewing on 30.11.2021; accepted for publication on 10.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Касаткин Евгений Васильевич — начальник цикла — старший преподаватель, Военный учебный центр, Ростовский государственный медицинский университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Нансена, 437/1, кв. 80

Evgeny V. Kasatkin — Head of the cycle — Senior Lecturer, Military Training Center, Rostov State Medical University.

437/1 Nansen st., app. 80, Rostov-on-Don, Russia
